

*Уж ты батюшка, сизой орёл,
да где же ты летал?..*

*Не так уж давно это было —
ровно за век до моего рождения.
Иные старожилы тогда ещё
помнили времена Пугачёвского
бунта. А после первой обороны
Севастополя прошло всего де-
вять лет.*

*Четвёртого декабря 1864
года из крепости Туркестан
вышла сотня всё ещё опально-
го Уральского казачьего войска
под командой Василия Серова.
Отправлялись на недолгую раз-
ведку. Оказалось — на верную
гибель. В семнадцати верстах
у селения Икан казаки наткну-
лись на многотысячную армию
Кокандского ханства во главе с
его правителем Алимкулом.*

*В почти трёхдневном про-
тивостоянии у русских погибли
и позднее умерли от ран 69 чело-
век, ещё один скончался в плену.
Но кокандцы, только убитыми
потеряв, по разным сведени-
ям, от четырёх сотен до двух*

тысяч, ушли и больше на такие рейды не отваживались.

Невеликое вроде бы дело — бой местного значения, мгновение мировых перемен, благодаря которым Средняя Азия побывала частью России. Но, как любая из ярких историй, тем более военных, рассказ о нём помогает подумать и о современном человеке. По меньшей мере — о самом себе...

Автор

ПРОЛОГ

I

Про багры да режаки
ведут речи казаки:
— Багренье, багренье —
хоровоженье одно...

Все поехали к Самарской,
а нас чёрт понёс к Бухарской —
мол, с Бухарской стороны
ямы рыбою полны...

Приехали на ятóвь —
на ятови одна кровь:
кто-то нас опередил
да на рыбку угодил.
Багренье, багренье —
одно хоровоженье...

А у дедушки Петра
мы поймали осетра.
Осетра на три ведра —
просидели до утра.

Казаку, что рысаку —
не уняться довеку:
одну лошадь пропиваем,
а другая начеку...

Кошма была — кошмы нет:
улетела на тот свет.

Пропил пешню, пропил сак,
а к жене вернулся так:
— Багренье, багренье —
лебёдушка, багренье...

II

Непонятки чуткому — не загадки,
а с нелобопытного взятки гладки.
Распознать утраченные слова
за усмешкой лёгкою — дважды
два.

Погляди на полке или погугли —
выйдет не тяжелее иной прогулки
по достопримечательностям, а тут
даже сноски ставить —
напрасный труд.

Не одна имеется повестушка,
как декабрьским утром стреляла
пушка,
и вперегонки, подобрав багры,
люди съпались с береговой горы.
Разминали длани, желая дани,
и рубили первые иордани,
и — пошла безудержная гульба! —
запускали воздух под кожу льда...

Но увидеть мешкотная потуга,
как подводной лодкою прёт
белуга —
на живые продухи, на рожон
и ломает древки пяти сажён
просто мановением, ненароком,
а потом кровавит упругим боком
острия железные и крюки,
наугад вонзённые вглубь реки.

Если даже пробовать новый
номер —
насовать под лёд электронных
камер,

выйдет номер этот совсем пустой:
ни людей уже, ни белуги той.
Много с той поры в омуты-ятови
утекло воды и нерыбьей крови,
а людей вобрали, как невода,
за года разбухшие города.

Не за труд коронному человеку
гору именем соединить и реку,
да от шара Маточкина пока
далеко до Гурьева-городка,
и найдёшь навряд ли сполна
 проворных
от оленных ненцев до мест
 икорных,
через край заводов и крепостей
обойтись хотя бы без областей.

Отчего же мне посреди Урала
эта песня в голову так запала?
Устарела вроде бы, да успел —
сам её с друзьями однажды спел.
Не на льду речном и не на
 морозе,
а в тепле домашнем — да на
 серьёзе:
хоть сегодня мается человек,
занесёт, бывает, и в прежний век...

РАЗВЕДКА

I
До меня на свете ровно сто лет —
дедов нет ещё, и прадедов нет.
На планету девятнадцатый век
осыпается рождественский снег.
По линейным тишина
 крепостям —
все на всенощную да по гостям.
Лишь дозоры, окликаясь:
 — Не спи! —
караулят, нет ли вора в степи...

А по крыше мира в дальний
 Кашгар
перевалами заснеженных гор
караван идёт косматых волов.
Во выюках — полсотни русских
 голов.
Терпеливые — ни слова в пути,
и пока на холоду — во плоти,
лишь когда канавы или бугры —
бьются, точно костяные шары...

В том Кашгаре правит хан
 Валихан,
по снесённым головам — великан:
вон они — у глинобитной стены
пирамидою нагромождены.
Прибавление не величина,
да за русские — тройная цена:
вести добрые — владыка, ликуй! —
шлёт кокандский аталык
 Алимкул...

Увезённым по горам и долам,
им не присоединиться к телам,
а с иными отсечёнными с плеч
в пирамиду валиханову лечь.
Вот такие на Востоке дела.
А тела уже земля приняла,
и что дальше приключится,
 Бог весть —
прими, Господи, такими,
 как есть...

II
После перечитают
заново злые вести.
После пересчитают,
один на сто или двести.
А если без долгих фраз —
приказ.

Выехать на скаку
к ближнему кишлаку.

Встретив большую рать,
боя не принимать,
но если вдвойне-втройне —
всё-таки быть войне:
дать наглцам острастки,
выпроводить с почётом,
преподнести урок.
Для боевой оснастки
с полным к нему расчётом
придан единокорог...

С пикой наперевес
тоже есть интерес,
да чем дорога глуше —
с артиллеристом лучше.
Но памятьливы цари —
спуску ни на толику:
запрещены Яику
собственные пушкари.
Сколько сошло бурьяна
с давнего мятежа,
а всё ещё свежа
память про Емельяна...

Рыбо- да звероловы,
сами, как Пугачи,
опытные готовы
к делу бородачи,
не ожидая выгод
от перемены мест:
ежели Бог не выдаст,
то и свинья не съест.
Да, отправляясь в поле
пёхом или верхом,
знать бы врага поболее,
нежели по верхам.

Ш

Опытный Серов-есаул
со сборами не тянул,
но только за паранет —
навстречу киргиз Ахмет:
всадники на дороге,

просит Икан подмоги,
не считал, каковы в числе —
не оглядывался в седле...
Шлёт Серов коменданту гонца,
а комендант гневается:
попусту не выступай,
приказано — выступай!

Поехали поскорей —
повстречали двоих почтарей
из тех, что везли в Чимкент
секретный пакет
генералу Черняеву:
в том пакете отныне секрета нет —
восемь жизней стала цена его.
Снова шлёт Серов казака к
благородиям,
а ему:
— На рысь!
Есаул, не трусь!
Ты при целой сотне с орудием...

А потом — в кресты полагай
персты:
не дойдя четьре ли, три ль
версты,
повстречали вражки аванпосты
и огни по холмам окрестным.
Благо, есаул не из торопыг:
приглядел дорóгой сухой арык —
ямка вроде бы, а когда привык,
всё целее под перекрёстным.

Отошли немного и залегли,
рьяных первыми выстрелами
смели,
тени, крадущиеся в ночной дали,
до кровавых глаз карауля.
Обложили конные, отсекли,
но что неподатливы, усекли.
И отныне столько всего земли,
сколько перелетает пуля...

IV

Несходство между мной и
азиа**том**
отыщут лишь патологоанатом
да землекоп неведомый, когда
под толщею культурного
компоста
заденет край забытого погоста
и различит безмолвные года,
утекшие в бездонные глазницы,
и смутною догадкой соблазнится
про давние века и города,
и разуму, избегнувшему льда,
явится тьма неслыханных
историй...

А, впрочем, ненасытный
крематорий
от интеллектуального труда
потомков избавляет без вреда.

Be positive, гляди на вещи
просто —
переживёшь полсотни или дó ста:
какой ни набирается навар —
всё выветрится, если не товар.
Теперь и на профессорском
серьёзе
стремление в поэзии и прозе
на глубину событий и времён
считается за пошлый movie ton.
Мол, это эпигонство и отстой,
как после Льва фамилия
Толстой —
созвучие, подобие, халтура.
А в стороне от хоженных дорог
есть я и Бог — вернее, аз есмь бог.
Все остальные — сплошь
литература...

И нынешними подлыми порами
есть подлинные меж
профессорами:

когда тобою не пренебрегут —
хоть имя ненадолго сберегут.
А не найдутся — время утеряло
лишь крапинку того материала,
что без оглядки на расходный вес
вливает в исторический замес.
Когда тысячелетними путями
империи пихаются локтями,
повёрнутый спиной или скулой,
малой — не стой без каски под
стрелой:
и крепок человечесий черепок,
а для эпохи — только черепок.

V

Вековечна кочевая забава:
пил Куря из головы Святослава,
головами покорённых племён
пирамиды городил Тамерлан...

Коль профессорские помнить
каноны,
все последующие — эпигоны,
подражатели — и несть им числа,
продолжатели — но как ремесла
home-video для телеэкранов:
это запросто — как резать
баранов,
в том числе смотрящих из-за
стекла,
как сочится клюква или свекла.

Вот бы казни поделить на
сезоны,
да поярче овцам комбисезоны,
да помедленнее, точно игра —
ставлю голову: пройдёт на «ура»...

Здесь картинка больше чем
половина.

А на памяти иная картина —
Верещагина, да не из кино:

В Третьяковке погляди полотно,
истуканом не сиди за стаканом...

Но встаёт уже рассвет над
Иканом
снова стряпать посреди целины
колобки в худую торбу войны.

ОСАДА

I
Хорошая нынче в киргизской
степи зима,
да худо одетому можно сойти
с ума.

Пойдя к Алимкулу в заступники
правой веры,
небось, поморозили крепко его
нукеры
в халатах дырявых жилистые
тела...

Войною они поправят свои дела:
за снятое с убиенных неплохо
платят,
а в самой цене — казацкая голова.
Вернётся домой к жене в
наградном халате —
мол, головы эти, как с жёлтых
чинар листва...

Ты хоть за одним листком
подойди сперва,
привычный набегами русского
взять полону —
увидим: кому жена, а кому
вдова.

И даже когда воротится тебе
судьба,
пройдя оборону и не понеся
урону —
на этой поляне тебе не найти
раба.

И мы согреваемся, пальцами
шевелия,
ещё не телами случайный устлав
привалок —
из нас понемногу через сукно и
войлок
живое тепло высасывает земля.
Кто нынче не скатится в
очередной курган,
изрядно на кулаки наматает
сопель...

Богато на нас народу наслал
Коканд —
никак не менее нескольких
тысяч сабель...

И вправду не Крым. И пустыня
— не Севастополь,
да сизый орёл — не береговой
баклан.

Там если атака, тогда выходи в
штыки,
Европу за позднюю благодаря
науку.

А тут не ружьё — винтовка:
с живой руки
бьёт на полверсты — куда
твоему мультуку.

Смотри, сторожатся и лишь
иногда плюют
свинцом наудачу: мол,
поберегись — ударю!

Но те же французы с британцами
пушки льют
на лад европейский кокандскому
государю —
они-то ядром достанут издалека.
Гляди: притащили —
выкатывают пока.
Теперь будет строго — пойдёт
покати-дорога:

Товарища, тушей ставшего,
надёжного до конца,
клади, ещё не остывшего,
защитою от свинца.
Щекою к песку да к небушку,
какое над нами есть —
поближе к овсу да хлебушку,
какого теперь не есть...

Недолгою жизнью мечены
за хозяева своя
сородичи наши меньшие,
подсобные братовья.
Но люди, что к ним приравнены
в пристрелянной полосе,
не все ещё переранены,
и живы покуда все.

IV

Напрочь окружены,
к месту пригвождены —
полная безнадёга...
Что ж не идёт подмога?

Снова персты у лба:
братцы, вдали пальба —
атаковать навстречу!
Но есаул угрюм:
нечего наобум
лезть головою в сечу.

Здесь, почитай, редут —
сразу не изведут.
Коли до нас дойдут,
помощью не обидим.
Слышно железный гром,
да за степным бугром —
хóром да из хорóм
выйдем, когда увидим.

Стихла пальба вдали —
малости не дошли.
Эх, не перемогли...

Шлёт Алимкул посланца:
— Русская голова,
если ещё жива,
слушай мои слова,
чтоб на плечах остаться.

Веру перемени —
на остальные дни
станешь у стремени,
братом к себе приближу.
Истинно говорю:
так отблагодарю —
каждого одарю,
всякого не обижу...

V

После писарю скажут —
мол, тех обойди, не трогай.
После того отмажут,
кто не дошёл с подмогой.
А если без долгих фраз —
приказ.

Подпоручику имярек
взять сто семьдесят человек,
два орудия и — под горочку,
торопясь казакам на выручку.
Но если большая рать,
боя не принимать —
даже в конце пути
немедленно отойти:
малочисленный гарнизон
расходовать не резон...

Шли обратно с тяжёлым
ропотом,
а другой подпоручик шёпотом
крыл по матери: вот прохвост —
оставалась-то пара вёрст.
Но исполнил — нельзя
сохраннее:
всё убытку, что лошадь ранена,
да и та уже ест овёс.

От Андрея и до Иакова
солнце вроде бы греет всякого,
да, однако, не одинаковые
обветриваются места.
Вроде всё по уставу строится,
да бумагой один прикроется,
а другому не успокоиться,
лишь бы совесть была чиста...

После всех назовут по имени.
Остаётся всё меньше времени.
Осязание, зрение ли примени —
неминуемо помирать.
На арбы правоверные не спеша
натаскали соломы да камыша,
наплели щитов — трепещи, душа:
завтра приступом станут брать.

Наступает, видно, конец концов —
значит, самое время послать
гонцов:
сыновьям доложатся про отцов,
а полковнику — как легла
сотня не опрометчивых
молодцов,
а бывалых выученных бойцов,
хоть какой кровавее из рубцов,
смертная разберёт ли мгла?

Хорошо, от ядер, летящих сквозь,
хоть немного коней, да
убереглось...
Словно канули трое в глухой ночи.
Порох не подмочи.

ПРОРЫВ

I
Почитают Всевышнего с верой
безмерною
все кругом — православные и
правоверные

кряду невероятные тысячи лет.
Жить безбедно и сыто, как
люди заглавные,
все хотят — правоверные и
православные,
но в любом измерении равенства
нет.

Иисус одесную или Магомет —
не отыщется в небе особых
примет,
а в неистовой тяжбе сплетаются
заново
ветви корня адамова, плода
адамова —
и антонов огонь выползает на
свет.

Как земля световую волною
омоется,
тварь любая по-своему Господу
молится,
да не всякая в утреннюю синеву.
И приходит минута, когда это
значимо,
и нутро обнажается, если
залачено —
ничего не заначено, всё наяву
через кожу, листву и траву-

мураву.
Ибо либо лежать безголовым
во рву,
либо сгинуть во мраке и вони
зиндана...
А граница — на шее по нитке
гайтана:

снять — и мысленно
перекреститься: «Живу!»

Чисто по-человечески можно
понять —
внять и не обвинять, а при
встрече обнять:

да не каждый, придя домой с
мирового фронта,
нахлебавшись по горло, зарезать
хотел царя...

Ах, вопросы русские — вас не
перетолочь.

Ни один ответ вашей болести не
излечит.

— Всё гораздо проще, папа, —
сказала дочь, —
мне живётся лучше там, где
живётся легче...

Все мы — люди, каждому Бог
судья,
но иные вечно спрашивают:

— Который?
На суде последнем живая душа
твоя

поклянётся Кораном, Библией
или Торой?..

И все дети как дети — покинут
отца и мать,
получить желая пайку небесной
манны.

А вот Родина-мать — это если и
жизнь отдать,
безо всяких наград и почестей,
безымянно...

Подобает высокой теме высокий
слог:

сочинял бы драмы или писал
либретто,

здесь такой трагический
просится диалог —

прямо для театра оперы и
балета.

Но законодатель живого стиха
суров:

чуть раздухаришься, пихнёт под
ребро — корочке...

Ни о чём особенном не говорил
Серов,
просто время тянул на исходе
последней ночи.

И вполне различая нехитрый
его обман,

но ещё не готовый ватагу
бросать в атаку,

ни о чём особенном не говорил
Осман,
понимая чётко: эти назад —
ни шагу.

Посреди сошлись, перекинулись
парой фраз —
рта ещё вражда кровавая не
замкнула.

В неусыпный лагерь записку
понёс сарбаз —
на вчерашнее, мол, ответ
правителю Алимкулу.

Можно было хлебнуть из фляги
и покурить,
да не позволяет своя и чужая
вера.

Скажешь ветру слово — ответа
не жди от ветра.

Два живых человека — а не о чем
говорить.

И кокандцы, не тратя времени
на словеса,
повели на приступ медлительные
телеги...

Хоть прибыток жизни вроде бы
невеликий,
да ещё у смерти выкроил два часа.

III

Былые утраты в ладонях
земных весов

что сравнивать? Все по
великому счёту квиты...

Четырежды приступали за пять часов —
четырежды были с уроном
большим отбиты.
Хитёр азиат на выдумки, ан
шалишь —
толпою отсюда не выбьешь и до
июля...
Пронзая обмазанный глиной
сухой камыш,
убойную силу растрчивает пуля,
да если умом и норовом не овца —
сумеешь зазря не расхोовать и
заряда...
Гляди, что творит наводчик —
ай, молодца!
Какую уже гранату кладёт как
надо...
Но, глядя поверх говорящих
ещё голов,
просвета ища из отчаянного
расклада,
от северной стороны ожидал
Серов
сигнала надежды, спасительного
раската.
— Не выручат. Сели в
неспешности тыловой,
врага со стены высматривая
до зевоты...
Их можно понять холодною
головой —
там русского люду на две с
половиной роты.
Да разве её удержишь на
холоду,
дрожа лихорадкою от боевой
горячки?
Один за другим казаки на
подталом льду
смолкают навек, коченея в
смертельной спячке...

Они подошли на выстрел. Того
гляди,
на пятой атаке дорвутся до
рукопашной...
Другой босиком пройдёт
разогретой пашней
в рубахе домашней, распахнутой
на груди.
Другому по новой весне
процветут сады,
другого развеселят заревые
птицы,
и девичье сердце сильнее
заставит биться
другой над размахом живой
снеговой воды.
А мне прободает сердце кусок
свинца —
он в тело вопьётся, горячая
кровь польётся...
Но ничего иного не остаётся,
как жить до конца и
прицеливаться до конца.
IV
Многим вошедшим в памятные
столбцы
нечем носить мученические
венцы,
но до поры, покуда не мертвецы,
незачем лишку в дырявую
класть котомку...
Затемно до крепостных ворот
добрались гонцы —
а толку?
Замочною скважиною,
игольным ушком
верхом на цыпочках или
пешком-тишком

перетекли тенями кокандский
стан.

Выслушай, Туркестан!

— Господин полковник,
высылайте подмогу.

Что ж не дошли вчера?

Врага бесчисленно — слава Богу,
если продержатся до утра!..

А комендант в ответ:

— Братцы, никакой возможности
нет.

Сам бы шашку достал из ножен,
да город обложен:
ежели припечёт —
каждый наперечёт...

Вздрюченный гарнизон
вглядывался в горизонт,
а многозвёздный зонт
чист был, как при Адаме.
Все пережгли дотла
дымные факела,
покуда заря взошла
над вымершими садами
и доложил разъезд —
нет никого окрест.

Только тогда — приказ
без посторонних фраз:
дойти и соединиться
на этот раз...

V

Тем дорога жена,
что навсегда верна.
А верная до последнего
погибель кому нужна?..

В штабной писарской отчётности
и летописи побед
за Веру, Царя и Отечество

погибшим упрёка нет.
Но лучше перед державою
с Георгиевским крестом,
чем без головы со славою
на кладбище под кустом.
И даже среди нелишнего
божественным чудесам
надеешься на Всевышнего —
промахиваешься сам.

Покачивалась баталия
на лезвии палаша —
оканчивалась история,
развилок не положила.
Со снега кроваво-алого —
немного ещё пальбы —
останется только головы
поскладывать на арбы.
Да незачем, кто не мёртвые,
до времени на погост...
И выпрямились промёрзлые.
И двинулись в полный рост.

VI

На расправу люд неизменно лют,
да не до бесконечного...
Человек не лошадь и не верблюд —
и доказывать нечего.
Те уже застыли до снежной тли,
стали каменными почти,
а попробуй раненого пристрели,
что не в силах с тобой идти.
Отнести в овраг, отвести во мрак
Богородица не даёт...
Вот когда на помощь приходит
враг:
он без жалости — он добьёт.

Он его исправно отправит в ночь
прямоком — не обиняком...
Но и ты сумеешь врагу помочь
острым лезвием и штыком.

а губы срослись от жажды —
и вовсе почти здоров...

Простреленный дважды,
команды не сдал Серов.
Атака — не драка, отход —
не одышный бег,
покуда начальный имеется
человек.

Начальному глазу видна
глубина до дна:
толпятся сарбазы, и пушка
наведена.

Но глиняные дувалы прорвёт
всегда
базальтовые завалы дырявящая
вода.

Не требуется удача, отчаяние
ни к чему —
здесь воинская задача
командующему.

И собранные внезапно на
гибельную черту
ударили хлётским залпом —
и вышли на высоту.

Хоть, как на духу признаться,
высоточка так себе —
способнее упражняться с неё
в боевой стрельбе,
но если на ком креста нет,
посыплются, как с куста —
на сколько ещё достанет
оставшихся полуста?

Раздельно или артельно —
и эдак, и так смертельно.
И долго ли всем дышать —
тебе, командир, решать...

Х
Лирическую заметку
позволь мне, читатель редкий,

пошедший со мной в разведку
из крепости Туркестан:
уж если до этой точки
добрался в людской цепочке —
останься и на высоточке,
до крайнего не отстань.

Высокого помаленьку,
чуть лишку — и перебор.
Кончается третий день, как
томительный коридор.
Но и по верховной власти
не будет четвёртой части —
а не потому, что сверх
посильного оттрубили,
и не потому, что всех
по-быстрому перебили,
и не потому, что в снег
злодеев поуложили,
и не потому, что все
дошедшие дальше жили...

Дошла наконец подмога.
А тема — до эпилога.

ЭПИЛОГ

И
Самые памятливые говорят,
что с песнями в город входил
отряд,
и даже раненые с телег,
теперь намеренные жить сто лет,
кричали не от телесных мук —
от радости в этот миг.
Один, забинтованной головой
качая, поверить не мог:
— Живой!..
Другой с неостуженным
куражом
размахивал взятым в бою
ножом...

Сойдут в кладбищенские
квартиры
ещё одиннадцать, а пока
бережно в госпиталь на руках
вносили вырученных офицеры...

И
Ой, сильна целина для
селянских дел:
три коротких дня —
урожай готов.
И набрал правоверный арбу
голов,
православный наполнил телеги
тел.

Каждый поле ратное за собой
прибирает в собственные срока.
Повезли вереницею за арбой
алимкуловых раненых сорока.
А потом дожинать со степных
борозд
вышли наши — охотники,
не силком.

В ледяных обрубках в
неполный рост
опознаешь сразу ли, кто был кем?

Эх, степная ширь — травяной
пустырь
сплошняком без осьмушек и
половин.

Хоть глаза продырь, далека
Сибирь —
с камыша не наделаешь
домовин.

Положили, накрыли одним
холстом
и насыпали землю поверх холста,

и поставили памятник под
крестом.
И забыли надолго потом о том,
хоть не сразу — спустя полста.

Что нам давний бой,
прошлогодний снег?
С той поры минул и двадцатый
век.
На одной сквозной мировой
войне
человечья жизнь в никакой
цене,
а добавить ещё гражданских —
так не стоило и рождаться.

Но природе нет никаких причин,
чтобы не сводить женщин и
мужчин,
не соединять-миловать вдвойне
по одной сквозной мировой весне
без особого разрешения
для людского плодоношения.

Коли так — то, наверно,
тому и быть.
Отчего не есть, отчего не пить?
Отчего мутить мировой подъём
вековым былльём, сорным
бодыльём?

Велика планета, а жизнь одна:
родила — и спасибо, Родина...

Что же ты, голова моя, на ветру
в зимовой степи, золотом бору —
на плечах покуда и не с дырой,
да невдалеке от земли сырой,
где от багрения на багрение
оступается ударение?